

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

*Вечера княжны
Джавахи
Сказания старой Барбалэ*

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-22

Чарская Л.

Ч-22 Вечера княжны Джавахи / Л. Чарская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 114 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77604-7

Нет старушки Барбалэ давным-давно на свете, а сказки её реют в воздухе, как птицы, нашедшие гнезда в одичавшем тенистом саду Джаваховского дома. Их шепчет Кура многоводная, их сказывают густые чинары, их повторяют одичавшие розы, их поет горийский буль-буль с серыми крылышками в тихие, нежные, благовонные летние ночи...

BIC FC
BISAC FIC000000

Вместо вступления

— Тссс! — шепчут густые темные чинары в большом, тенистом, заглохшем саду, — тссс! Не шумите, ветры, не плещи, река, под горою, не стоните, гулкие обвалы, в далеких горах... Тссс! затихни, природа, и внимай сладкому голосу ночного певца. Поет буль-буль (Буль-буль — по-грузински соловей) сладкоголосый, поет чудесную песню на черном от мрака розовом кусте. Тише, ветры, тише, Кура темноводная, тише, далекие горы, — слушайте все песню буль-буля, короля задумчивой восточной ночи, слушайте внимательно!

И замолкают чинары, а, вместо шепота их, звенит голосистая песнь.

Не то быть, не то сказку поет задумчивый крылатый певец ночи. И весь Гори (Гори — небольшой город Тифлисской губ.), весь сонный Гори, с его ароматными садами и зелеными виноградниками, с его грязным базаром и узкими улочками, слушает его.

Слушает сонный, затихший Гори... Поет сладко крылатый певец в заглохшем саду забытой усадьбы.

Его дед, такой же, как и он, певец восточной ночи, передал сыну эту песнь... Сын научил ее петь своего сына... И поет ее молодой задумчивый соловей...

— Здесь, в этом забытом гнезде над Курой, в предместье Гори, — звенит его песнь, — жил когда-то знатный грузин-

ский батано (Батано — господин по-грузински). Князь Георгий Джаваха-оглы-Джамата звался батано. Он был смелый, храбрый офицер. Пускался в далекие Дагестанские горы, усмирял восставшие аулы (Аул — селение горцев на Кавказе) и дружил с покоренными лезгинами, как свой брат-кунак (Кунак — друг, приятель). И сердце свое отдал черноокой лезгинке-магометанке из аула Бестуди, сделал ее своей женой и увез в свою усадьбу.

Старый отец девушки, Хаджи-Магомет, долго не примирялся с дочерью, изменившей вере отцов и принявшей христианство... И только рождение выучки, княжны Нины, вернуло гордому старику угасшую было любовь к дочери.

Как цветок весенний, как роза Алазанской долины, росла девочка Нина, христианское дитя, с душой свободной, как горы Дагестана, и смелой, как у кавказского орла...

Малюткой еще была княжна, когда умерла её мать, тосковавшая по родному аулу, по суровому отцу и далекой родной сакле, — и осталась осиротевшей птичкой в доме отца красоточка Нина...

А годы неслись непрерывной чередой... Поднималась, росла юная княжна, удивляя окружающих людей своей смелостью, ловкостью и неслыханною удалью. Она скакала по горам на своем коне, джигитовала (Джигитовка — искусное наездничество, распространенное между кавказскими горцами) на диво, карабкалась, как дикий джайран (Джайран — вид антилоп, которые водятся в Закавказье), по утесам. А какие песни она пела со своей молоденькой теткой, сестрой матери, Бэлой, приезжавшей к ней в гости, в Джаваховский дом, из родного аула Бестуди!

По вечерам слушала она рассказы старой Барбалэ, верной, доброй служанки, вынянчившей черноокую Нину. Мастерница была старуха рассказывать. И, словно птичка по осени, затихала юная княжна, внимая словам старушки...

Любовно, восторженно слушала она ее. Слушала и у дымящегося бухара (бухар — камин) и на кровле Джаваховского

дома при лунном свете, и под тенью утеса в горах, и в саду, под навесом густого каштана...

Но не долго продолжались рассказы Барбалэ: увезли княжну учить в далекий северный город... Заточили вольную пташку в серые стены института. Не ужилась в них Нина, зачахла черная роза Грузии, тоскуя по родному краю, как зачахла когда-то её мать, тоскуя по родному аулу...

Небо Петербурга, холодные люди, врожденный недуг и отсутствие пестрой сказки цветущей родины сделали свое дело. Умерла Нина. Умерла далеко... А через несколько лет умер и отец её (См. повести того же автора: «Княжна Джаваха», «Записки институтки» и «Люда Влассовская»). Скончалась скоро и старая Барбалэ, но сказки верной, преданной служанки, перемешанные с былью, её рассказы, лившиеся из ссохшихся уст, её сказания из далекого прошлого Кавказа не умерли, нет: пережили они и старую Барбалэ, и юную, безвременно погибшую, княжну...

Нет старушки Барбалэ давным-давно на свете, а сказки её реют в воздухе, как птицы, нашедшие гнезда в одичавшем тенистом саду Джаваховского дома. Их шепчет Кура многоводная, их сказывают густые чинары, их повторяют одичавшие розы, их поет горийский буль-буль с серыми крылышками в тихие, нежные, благовонные летние ночи...

Первое сказание старой Барбалэ

Безумец Бессо

Уморила за день старая Барбалэ. Утомилась. Пекла для гостей абрикосовые и каштановые пироги, варила шербеты (Шербеты — лакомства и прохладительные напитки из яблок, лимонов и сахара). То-то было дела. Приехали с батано-князем пять товарищей-офицеров из полка, приехал из аула дедушка Хаджи-Магомет с дочкой Бэлой, младшей сестрой покойной княгини. Пили, ели, лезгинку плясали...

И всех больше отличалась ясочка черноокая, десятилетка-красоточка Нина-княжна.

Девочка цветет как персик, полная, свежая, как ангел красива, а уж пляшет-то, пляшет!... Отродясь не видела такой пляски старая Барбалэ. Потом сам князь батано, хозяин дома, играл на чиунгури (Чиунгури — любимый музыкальный инструмента у грузин, род гитары), все пели песни хором, а Нина — всех звончее, всех заливчатее. Старый денщик, казак Михако, сморгнул на седой ус скупую слезу, слушая свою маленькую госпожу-джан (Джан, джаным — по-татарски душа, душенька; очень распространенное ласкательное слово на Востоке); а молодец — наездник Абрек, седлая в конюшне офицерских коней, говорил, сверкая черкесскими глазами:

— Аллах взял жену от батано-князя в рай Магомета, зато княжной-соловушкой, дочкой-певуньей вдового мужа о-частливил...

К ночи только разъехали гости.

Хаджи-Магомет, старый, вольный татарин, тесть князя Ге-оргия Джаваха, уехал к себе, в горы. Дочку Бэлу гостить у внучки, у княжны Нины, оставил. Офицеры в лагерь умча-лись.

Барбалэ управилась в кухне, прилегла, у себя в каморке на тахте. Думала о суетливом дне, о добром князе-батоне, о лез-гинке и пении маленькой княжны.

Вдруг в окно раздался стук.

— Тук-тук! К тебе пришли мы. старая Барбалэ, открывай, старушка!

— Кто вы?

— Я, твоя Нина-джан, да Бэла-горянка — птичка залетная из Дагестанских аулов... Открывай, роза сердца моего!

Голосок звенит и рвется. Видно смешно самой старую, уродливую Барбалэ называть розой. Но от души это. Не ви-дит старых морщинистых щек Барбалэ молоденькая десяти-летняя княжна Джаваха; видит только верную, преданную Джаваховскому роду, любящую душу. И сама любит, ой, как любит свою старую служанку Барбалэ!

— Открывай, звезда моего неба, открывай!

Отскочила задвижка. Дверь распахнулась, и стоят обе де-вочки, тетка и племянница: пятнадцатилетняя джигитка Бэла в своем национальном, из пестрых цветов, костюме, и красо-точка-княжна, со смоляными кудрями, в белом бешмете (Бешмет — кафтан). Обвили головы одной чадрой (Чадра — покрывало, которое набрасывают на себя женщины-мусуль-манки, совершенно закрывая им лицо от взоров посторонних мужчин) смотрят бойко, улыбаются лукаво и моляще.

— Зачем пожаловали, баловницы-певуньи?

— Сказку, сказку нам, старая Барбалэ!

— Проказницы, ночь скоро. Вишь, луна встала. Спит Гори... Соловьи поют, а вам сказку... Кш... кш... кш... прочь отсюда!.. Покой дайте старой Барбалэ!...

Засмеялась, подпрыгнула грузиночка-княжна, повисла на шее у старухи, в то время как товарка Бэла растерянно метнула из-под чадры газельими глазами.

А Ниночка ластится, воркует, вьется вьюном, лепечет, жарко целуя морщинистые щеки Барбалэ:

— Ну, солнце солнца моего, ну, бирюза души моей, ну, сердце мыслей моих, ну, драгоценное сокровище моих желаний, звезда полночная, восход багряный, цветок душистый, сладкая роза мысли моей, расскажи нам сказку, старая, милая, добрая Барбалэ!

И целует; целует без конца закорузлую черную кожу служанки.

Ну, как тут устоять перед такою ласкою, перед мольбою, перед чарующим обаянием всего существа красоточки-княжны?

И забыты вмиг дневная суета, хлопоты, усталость, заботы по дому и кухне... Все ушло, отодвинулось куда-то далеко...

— Садитесь уж, коли пришли, полунощницы, — ворчит Барбалэ, опускаясь на тахту, — будет вам сказка... Ладно уж, в последний раз... Только не простая сказка, что люди выдумали на досуге, а старинное сказание, которое деды рассказывают внукам, а те опять своим внукам, в саклях и аулах, по всему Кавказу... Садитесь, сейчас начну рассказывать...

Взвизгнула Ниночка-княжна. Козочкой взлетела на тахту, с шумом потащила за собой молоденькую тетку, прильнула чернокудрой головой к высохшей груди Барбалэ, чмокнула в самые губы старуху. Потом снова вспрыгнула, серной метнулась к окну, распахнула его широко...

Тени от исполинских чинар, лунный свет, аромат роз и азалий и песнь соловьиная, поздняя песнь, ворвались в горницу... Точно огромный фиал сладких благовоний разлила в природе восточная красавица-ночь. Душисто, нежно и царственно-прекрасно ступала она по саду...

Задумалась Нина... Задумалась Бэла... И старая Барбалэ задумалась тоже. Чарами ночи сковало всех троих — старуху и детей.

Но не надолго. С трудом оторвалось от чаши сада и темно-го неба побледневшее от восторга личико Джавахи и, все залитое мягким сиянием месяца, скрылось на груди Барбалэ.

Дрогнувший голосок шепнул тихо:

— О, как хорошо! О, моя родина! О, мои восточные ночи! О, мои звезды, чинары и розы!.. Говори мне скорее печальные сказки, Барбалэ! Говори, рассказывай о горе людском и бессилии, о славных подвигах бесстрашных жителей наших гор, о выходках горных разбойников — душманов, о чем хочешь, но только скорее, скорее... или я умру от нетерпения!..

Погладила морщинистой рукой старуха головку своей ба-ловницы и дрожащим голосом произнесла:

— Слушай, княжна Джаваха, слушай, роскошный бутон черной розы, алмазная роса жемчужных цветов, и ты, Бэла, первая красавица среди лезгинских невест, слушайте обе...

Тихо стало в горнице... Только изредка доносился оттуда, из сада, через открытое окно, шелест ветерка и нежные звуки соловьиной песни...

Старая Барбалэ начала свой рассказ...

* * *

Высоко, высоко вздымаются горы... Над ними синее небо и престол Всевышнего, белые облачка, дымчатые покровы ангельских одежд. Под ними бездны, жилища горных духов, гнезда шайтана и черных стражей его... А между вершинами — хребты, горные тропинки и уступы, быстрые потоки речные, нежные благоухающие долины, полные душистых горных цветов...

В этих долинах, крошечных, свисших над безднами, пас когда-то мальчик Бессо своих коз и баранов.

Был Бессо юн и смел, как молодой орленок из высочайших гнезд Дагестана, и силен, как барс весною, и быстр и ловок, как серна гор...

Тело его, бронзовое от загара, опалено кавказским щедрым солнцем, обветрено родимыми ветрами смуглое пригожее лицо. Он сирота — Бессо и ходит в лохмотьях. Он — пастух. Аул кормит его за то, что он пасет баранов и коз... Но богаче богатейшего бека, наiba селений, он, Бессо... Эти горы — его.

Это небо синее, как волны далекого моря, — тоже его.

И тропинки, и горы, и бездны — все принадлежит ему одному, Бессо. Бог, Создатель мира, как он богат, этот Бессо!

Ему кажется, что Творец вселенной поставил его земным царем над всей этой роскошной природой.

Ему кажется, что для него синее небо, для него благоухают азалии в долинах, для него звенят и пенятся гордые, быстрые потоки гор. Да, он царь!

Над ним Бог, под ним бездна. Все, что вокруг — царство Бессо и его коз.

Нынче день выдался на славу. Горы дышат и молчат. Цветы поют, благоухая, и потоки журчат ленивее и тише. Алмаз слился с бирюзой, небо и солнце заключили союз. Дышать трудно под палящими лучами ликующего светила.

Пробовал петь Бессо — не поется. Пробовал завивать венки из азалий и роз — руки сами собой опускаются от жары. Истома и лень сковывают все тело.

Опустился на берегу горного потока, залюбовался новыми калабанами (Калабаны — грузинская обувь), мягко охватывающими его ноги.

Хороши калабаны, очень хороши. У сына самого горного духа наверное нет таких...

Сталь мечтать Бессо о том, как хорошо наряжаться каждую неделю в новую обувь, чтобы и по виду казаться владыкой этих высей и пропастей... Стал мечтать и в мечтах незаметно уснул.

Сладкие сны ему снились в этот знойный полдень. Само небо, бездны и дикие розы ущелий нашептывали ему их...